

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4392

Воскресенье, 6-го Сентября, 1898 г.

№ 4392

И Н Е С Ъ.

Разсказъ
Германа Зудермана.

Не обманывайте меня, дорогая подруга. У васъ было горе. Я вижу это по вашимъ дро-

Вамъ нужно сдерживаться, говорите вы. Ну, хорошо ли, искренно ли это?.. Зачѣмъ смѣшиваете вы меня, стараго друга, съ толпой, передъ которой нужно являться въ парадномъ видѣ? Вы улыбаетесь. Ради Бога, бросьте вы этотъ смѣхъ; онъ, словно острый ножъ, пронзаетъ мнѣ душу. Не говорите, что это смѣхъ самообладанія, по-

спокойнымъ взоромъ. Но я всей душою возстаю противъ самообладанія ради пустого приличія, которое скрываетъ чувство, потому что считаетъ неприличнымъ имѣть сильныя страсти, которое заставляетъ ходить на цыпочкахъ, когда твердый шагъ никому не разстраиваетъ нервовъ. Сколько восторга и гора, душевной тоски и отвращенія

Ея Императорское Высочество
Великая Княжна Елена Владиміровна

Его великогерцогское высочество
принцъ Баденскій Максимилианъ.

Высоконареченные Женихъ и Невѣста.

жашимъ губамъ, по вашимъ раскрасившимся глазамъ.

Вы говорите, что принимали хлораль, и оттого красны ваши глаза. Вы правы. Но зачѣмъ вамъ хлораль, когда вы говорили, что брѣдко спите.

Я узналъ вашу тайну, не улыбайтесь.

тому что его то я и ненавижу.

Я далеко отъ того, чтобы порицать человека, который является съ довольнымъ лицомъ, чтобы избавить любимое существо отъ боли и страданія; я далеко отъ того, чтобы потѣшаться надъ отчаяніемъ человека, прячущаго ночью лицо въ подушку, чтобы утромъ явиться съ

скрывается подъ этимъ ничего не говорящимъ смѣхомъ. О, какъ я ненавижу этотъ смѣхъ!

Представьте себѣ, что мы въ большомъ обществѣ и изъ уединеннаго уголка изучаемъ его культурныхъ представителей. Одна фигура за другой проходятъ мимо. Вотъ женщина съ открытою грудью, или мужчина, задыхающийся въ

Коронование королевы голландской Вильгельмины.— Королева, приветствуемая народом по вступлении в Амстердам.

туго нахрамленным воротничек,— вы думаете, это человечески фигури? Нѣтъ, это маски, свѣтскія маски, все съ одинаково пустымъ блестящимъ лоскомъ, съ одинаково бездушнымъ смѣхомъ, маски, которыя надѣваютъ на лѣстницѣ и снова снимаютъ при входѣ въ карету.

И подь этой маской грызеть горе, точеть досада, бушуетъ страсть. Такъ мы думаемъ, по крайней мѣрѣ. Вѣдь они такіе же люди, какъ и мы; и мы надѣли тоже маску, потому что такъ требуютъ приличіе.

Мнѣ нравится крестьяне въ дѣсахъ и горахъ. Они дерутся, ругаются, цѣбуютъ, прилежъ полами и грубы до невозможности, но они ничего не таютъ и ничего не хоронятъ на дѣхъ своей души; они могутъ жить на распахну, и въ этомъ ихъ громадное преимущество. Если справедливо, что счастье основывается на безпрепятственномъ развитіи индивидуальности каждаго, то тамъ мы встрѣтимъ рай земного счастья.

Я знаю, что это парадоксъ, что и тамъ не даютъ деревьямъ росги до небесъ.

Но отъ роковыхъ нашихъ общественныхъ цѣпей до того застываетъ кровь въ жилахъ, что

всѣ внутренняя наша жизнь замираетъ, и гордый потокъ страстей обращается въ надутное болото. Вотъ достойная наша кара. Первоначальная улыбка самооблаженія превращается вскорѣ въ улыбку лжи и до того разбѣдаетъ все наше существо, что ничего уже не остается въ насъ, ради чего стоило бы даже лгать, такъ какъ всюду лишь одна пустота, бессмысленность и тщеславіе.

Позвольте мнѣ рассказать вамъ небольшую исторію, и вы поймете, откуда у меня эта злоба и почему ваша улыбка, мой другъ, служитъ ей козлицею отпущенія.

Вы знаете, что я никогда былъ учителемъ. Учителемъ дѣвцѣ?—спрашиваете вы насмѣшливо.— О, да, ихъ по преимуществу.

Лѣтъ шесть тому назадъ я получилъ почетное приглашеніе давать уроки единственной дочери филансоваго туза, милліонера. Хоть и не въ формѣ окончательнаго рѣшенія, но все же предполагалось принять главными предметами обученія—исторію, философію, эстетику, исторію искусства, мифологию, литературу, стилистику и риторку.

Вы находите это слишкомъ роскошнымъ, и я съ вами согласенъ, но когда и выразить въ этомъ смыслѣ мое мнѣніе, то почтенная мамаша успокоила меня, сказавъ, что не столько нужно придерживаться означенной программы, сколько необходимо пѣть въ виду развитіе молодой головки и обогащеніе духа юнаго существа, цѣлѣнаго, какъ цвѣтокъ. Я отменно почтя свою задачу: на мнѣ лежала обязанность быть практическимъ руководителемъ духовнаго развитія ученицы.

Мать была, какъ вы могли уже догадаться, поверхностная, кокетливая, свѣтская дама; отецъ—сухой дѣлецъ, а дочь высокомерная, сдержанная маленькая принцесса, довольно и-взрачная на видъ, но уже съ ясно выраженными задатками истеричности и заносчивости признанной лѣвицы. Сначала она относилась ко мнѣ съ пренебреженіемъ, какъ къ человеку низшей породы, но потомъ, благодаря моимъ насмѣшкамъ надъ ней (подростковъ легче всего обуздывать насмѣшкой), я добился большого уваженія.

Кромѣ французскаго языка, на которомъ она трещала, какъ погурай, она ничему не научилась. У ней было плохо развитая память и, какъ казалось, плохо развитая чувствительность. И ни разу не замѣчала, по крайней мѣрѣ, чтобы ей бланое худощное лицо измѣнило свое обычное выраженіе усталости и вялости. Воспитательный же методъ матери наравленъ былъ исключительно къ тому, чтобы она научилась любовно смѣяться.

— Инессъ, дити мое, почему ты задумчива? Инессъ, только любовностью можно добиться поклоненія людей. Инессъ, я хочу, чтобы ты смѣялась!

И Инессъ покинула плечами и смѣялась. Никто не старался развивать въ душѣ молодой дѣвушки радостнаго отношенія къ жизни, а отъ ней требовали только лживой, наружной веселости.

Несмотря на все ея дурная стороны, меня привлекала къ моей ученицѣ позитивная замкнутость, въ которой она жила. Она, вѣроятно, была общительна, сама того не сознавая, и въ силу своего твердаго убѣжденія, что каждое пятнадцатилѣтнее существо должно жить полной духовной жизнью, рѣшилъ поднять ея душу и пробудить все дремлюція хорошія стороны ея.

Я употребилъ средство, всегда помогавшее мнѣ въ подобныхъ случаяхъ: я прочелъ ей книгу «Пѣсень Гейне». Къ этому я присоединилъ нѣкоторыя замѣчанія о любви и великой скорби вообще, и—мое средство подействовало. Глаза ея заблестали, движенія стали живы, и она съ пылающими щеками облыала мнѣ, что и ея не чужды ни любовь, ни великая скорбь, что она ведетъ дневничекъ, въ которомъ и т. д., и т. д.

Итакъ, я поймавъ близкую птичку, на стала доверять мнѣ и даже влюбилась въ меня. Интересно было наблюдать, какъ она проявляла свое чувство: подпершись обѣими руками, такъ что рукава спускались выше локтя, она медленно-медленно приподнимала вѣки и пристально смотрѣла на мнѣ. Когда же я при этомъ спрашивалъ:

— Инессъ, вы не дремаете?—она глубоко вздыхала и внимательно продолжала читать или писать.

Она запинаясь такъ прилежно и такъ вездѣло отдалась моему влиянію, что я сталъ надѣяться на возможность парализовать дурные стороны ея воспитанія. Я внушалъ ей, что обездоленные, босоногіе бѣднѣи въ лохмотьяхъ и думаютъ, и чувствуютъ не хуже князей и мил-

ліонеровъ, и что нужно любить всѣхъ людей, никого не презирая. Для нея все это было ново, неожиданно, и также стараясь указать ей на всю внутреннюю ложь нашихъ общественныхъ формъ.

Однажды я задалъ ей сочиненіе на тему «Смѣхъ». Она не знала, какъ приступить къ этому вопросу. Когда же я пазожилъ свои взгляды—съ горячностью, больною, пожалуй, чѣмъ требовалось,—глаза ея засвѣтились, какъ будто я затронулъ лучшія струны ея души.

Въ ея сочиненіи я встрѣтилъ мои собственныя мысли, взложенныя съ страстностью, но мало изумившей меня. Она заканчивала такъ: «Все высокое и благородное въ людяхъ, ихъ гордость, счастье, любовь, все мало-по-малу замираетъ, когда на губахъ появляется смѣхъ, лживый смѣхъ».

Очищеніе было прекрасно, но оно свернуло мнѣ шею. Черезъ два дня послѣ того, какъ я возвратилъ Инессѣ ея тетрадку съ отвѣтной «хорошо», я получилъ отъ ея матери письмо, въ которомъ почтенная дама удѣляла меня, что, въ виду несогласія нашихъ взглядовъ, она постановила въ необходимость отказать мнѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я не выдалъ своей ученицы, пока случай совершенно неожиданно не свелъ насъ вмѣстѣ. Это было на обѣдѣ въ домѣ г. Д.

— Пойдемте, я провожу васъ къ вашей дамѣ,—сказалъ хозяинъ, взявъ меня за руку.— Г-жа коммерціи-советница З. Вы ее знаете?

— Не имѣю чести.
— Вздоръ, вы были ея учителемъ, она сама мнѣ объ этомъ говорила.

Удивленный, я внимательно слушалъ его, пока не увидѣлъ ея. По уса въ креслѣ, она играла своимъ вѣтромъ изъ слоновой кости. Роскошный, гибкій станъ; полное, блѣдное, слишкомъ напудренное лицо блонднѣ, черныя, блестящія глаза, ослѣпительный бюстъ—воистинну очаровательная женщина!

Я былъ замѣченъ ею. Окинувъ меня внимательнымъ взоромъ, чтобы убѣдиться, насколько ея бывший учитель сдѣлался свѣтскимъ человекомъ, она лживо протянула мнѣ руку, и на лицѣ ея появилась улыбка, также отличавшаяся отъ прежней, какъ сѣверное сіяніе отличается отъ весенняго солнечнаго луга; улыбка отчасти вѣжливая, отчасти томная, но до такой степени холодной и безотрадной, что дрожь пробѣжала по мнѣ.

Мы обмѣнились нѣсколькими незначительными фразами, и когда нужно было идти къ столу, я повелъ ее къ намѣннымъ мѣстамъ.

Она выжила зацѣпъ одинъ за другимъ два стакана портвейна. Разговоръ нашъ былъ веселый и непринужденный, какъ и должно быть между двумя старыми знакомыми. Между прочимъ, она созналась мнѣ въ своей прежней любви и сильно подѣмывалась надъ ней.

Мало по малу я перевелъ разговоръ на настоящее и спросилъ:

— Какъ старый другъ, приймавший участие въ вашей судьбѣ, я считаю себя въ правѣ спросить васъ: счастливы вы?

— Счастлива? О да!

И опять эта ужасная улыбка!... Какъ двѣ змѣйки, появились складки въ углахъ ея рта.

— Гдѣ же вашъ мужъ? Къ сожалѣнію, я еще не былъ ему представленъ.

— А вонъ онъ киваетъ мнѣ головой.
Она взяла стаканъ и пѣскольго разъ кинула господину, сдѣвъшему на другомъ концѣ

стола. Я увидѣлъ чахлую безжизненную физиономію съ маленькими глазами и съ посѣдѣвшей длиннообразной бородкой. Съ меня было достаточно.

— Когда же вы узнали и полюбили его.
— Полюбила его?—повторила она особенно протяжно.

Не хочеть ли она сдѣлать признаніе,—подумалъ я, но она продолжала:

— Когда за меня сватался мой мужъ, я уже давно переступила за предѣлы безумныхъ грезъ. Во всякомъ случаѣ, я никогда не скрывала отъ него, что не могу полюбить его.

— Ну, а онъ?
— Онъ все-таки настаивалъ.
— Этого я не понимаю. Любить же онъ васъ.

— О, нѣтъ!—и она засмѣялась.—Змѣйки заиграли.

Жалкая, безконечно жалкая женщина,—подумалъ я.

— Вы какъ будто любовно не вѣрите мнѣ,—продолжала она.—Нѣтъ, я не ошибаюсь. Черезъ двѣ недѣли послѣ нашей свадьбы, вѣдь вы старый другъ, и я не должна ничего отъ васъ скрывать,—онъ сдѣлалъ въ моемъ будуарѣ съ одной изъ моихъ подругъ—вонъ она сидитъ

недалеко отъ насъ—и признавался ей, что женился на мнѣ для того только, чтобы сблизиться съ нею. Онъ, вѣроятно, говорилъ то же самое и другимъ моимъ подругамъ.

— Какъ же вы поступили?
— Она покала плечами.

— Для меня нѣтъ ничего невозможнаго скандала. Что же я могла сдѣлать? Я смѣялась...

Я бессознательно взглянулъ на ея блѣдую шею и замѣтилъ, какъ пудра сыпалась съ нея на грудь и спину.

Въ это время одна дама обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Инессъ, получила ты свою посылку отъ Ворта?

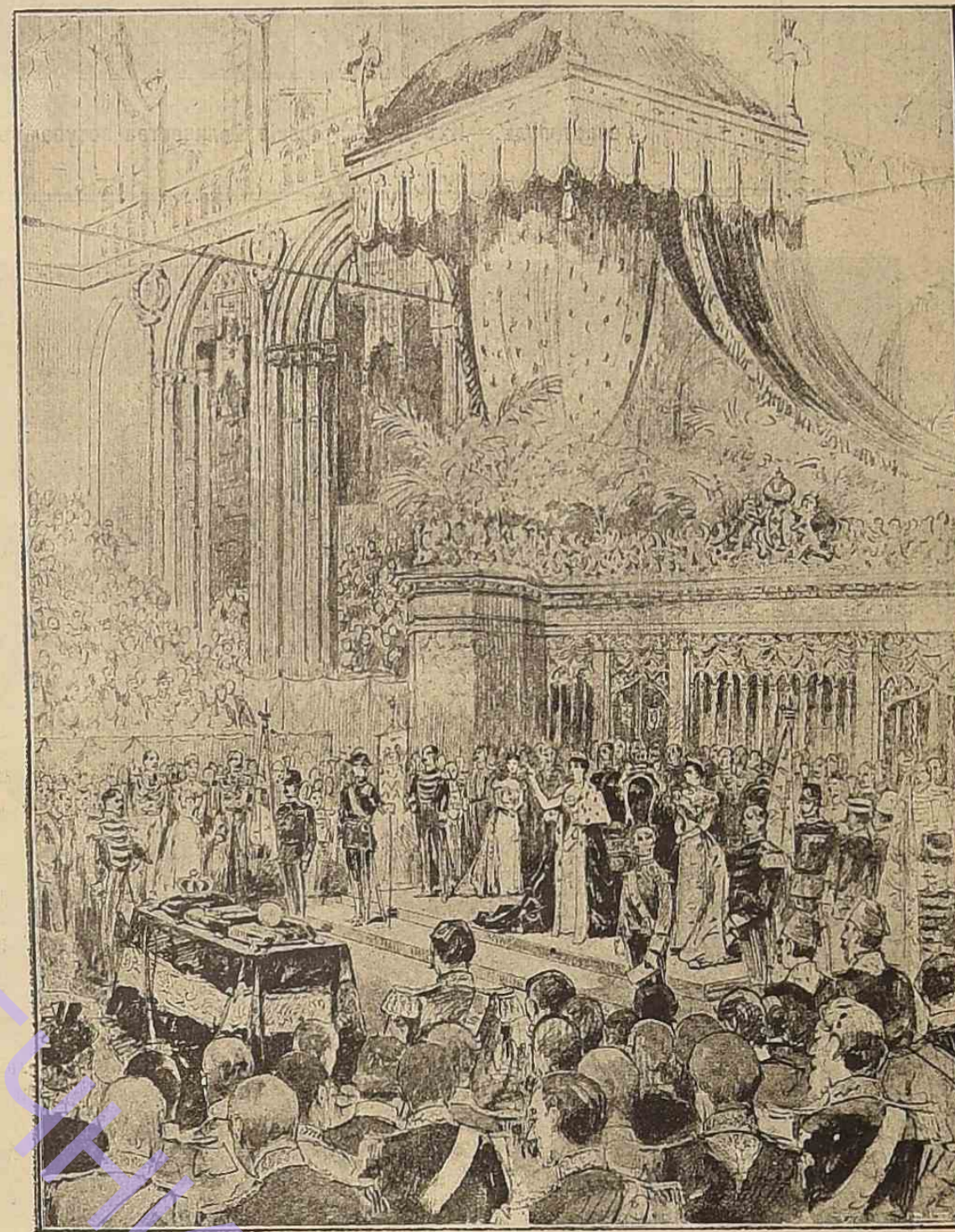
Она повернулась къ говорившей и, повидимому, вся отдалась бесѣдѣ съ нею.

Тутъ мой соседъ сдѣла, известный острякъ и весельчакъ, подтолкнулъ меня и сказалъ:

— Счастливецъ!.. Красавица Инессъ заиграетъ съ вами.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ я довольно угрюмо.

— Развѣ она не рассказывала вамъ трогательную исторію замѣны ея мужа, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы? Она всегда дѣлаетъ это

Коронование королевы голландской Вильгельмины.

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

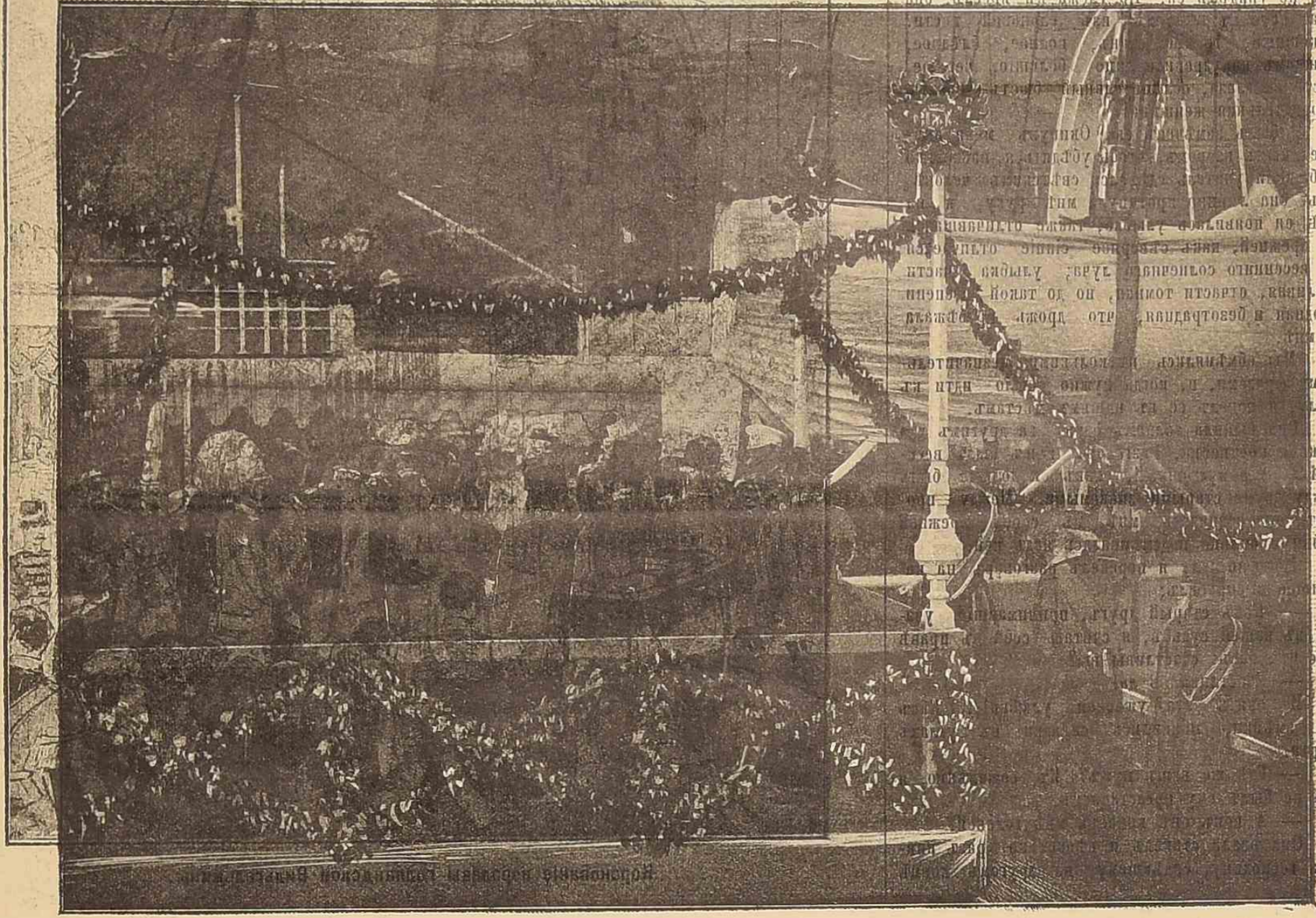
...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

...и о том, что в Севастополе...

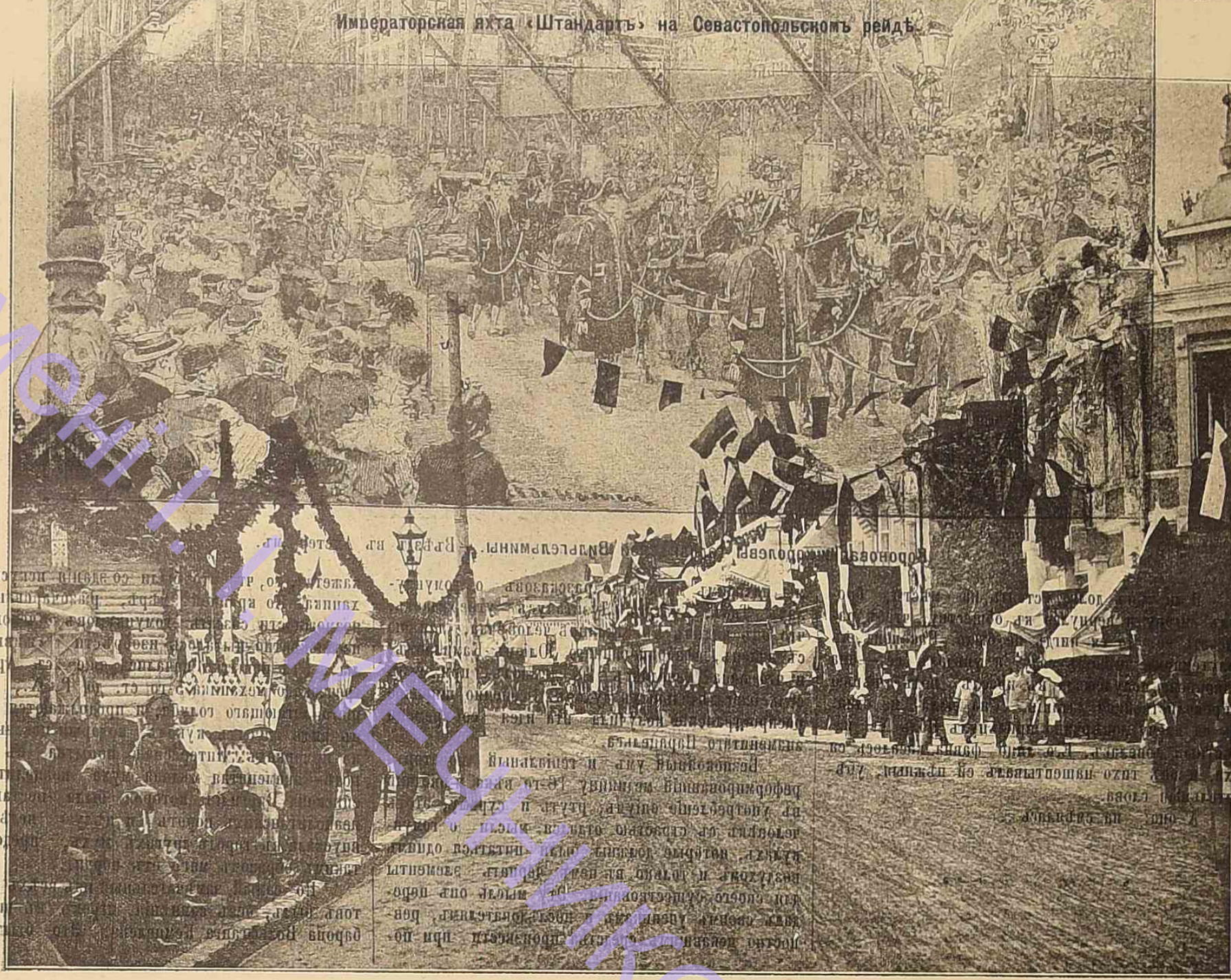
Севастополь.— Ихъ Императорскія Величества вступаютъ въ военный музей.

Ялта.— Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Императорская яхта «Стандартъ» на Севастопольскомъ рейдѣ.

Ялта.— Декорированная улица передъ въѣдомъ Ихъ Величествъ.

когда жаждет пахнуть когонибудь.

У меня была уже на языкъ рѣзкій отвѣтъ, но Инессъ снова обратилась ко мнѣ и самымъ равнодушнымъ свѣтскимъ тономъ сказала:

— На чемъ же мы остановились?
 — Такъ какъ мы оба не могли этого припомнить, то и углубились въ разговоръ о постановкѣ новой пьесы на итальянскій сценѣ.

Послѣ обѣда я уединился въ уединенную курительню и въ довольно грустномъ расположеніи духа раздумывалъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Нѣтъ, эта женщина не несчастна. Въ ней убито всякое чувство до того, что она можетъ кокетничать своимъ несчастьемъ. Или, можетъ быть, и ошибаюсь. Не разыгрывала ли она просто комедію, чтобы скрыть отъ меня дѣйствительное состояніе своей души.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ.

«Естественные люди» такъ дуры, что мысль о созданіи искусственныхъ существъ невольно посѣщала время отъ времени умы выдающихся людей древности и среднихъ вѣковъ. Свободное отъ недостатковъ, которые мы унаследовали отъ нашихъ первобытныхъ предковъ, искусственное человечество создало бы новую жизнь, на болѣе разумныхъ и совершенныхъ началахъ. Такимъ образомъ всѣ «примитивныя вопросы», волнующіе человечество, разрѣшаются очень просто: стоитъ только найти средство къ производству гоминкуловъ.

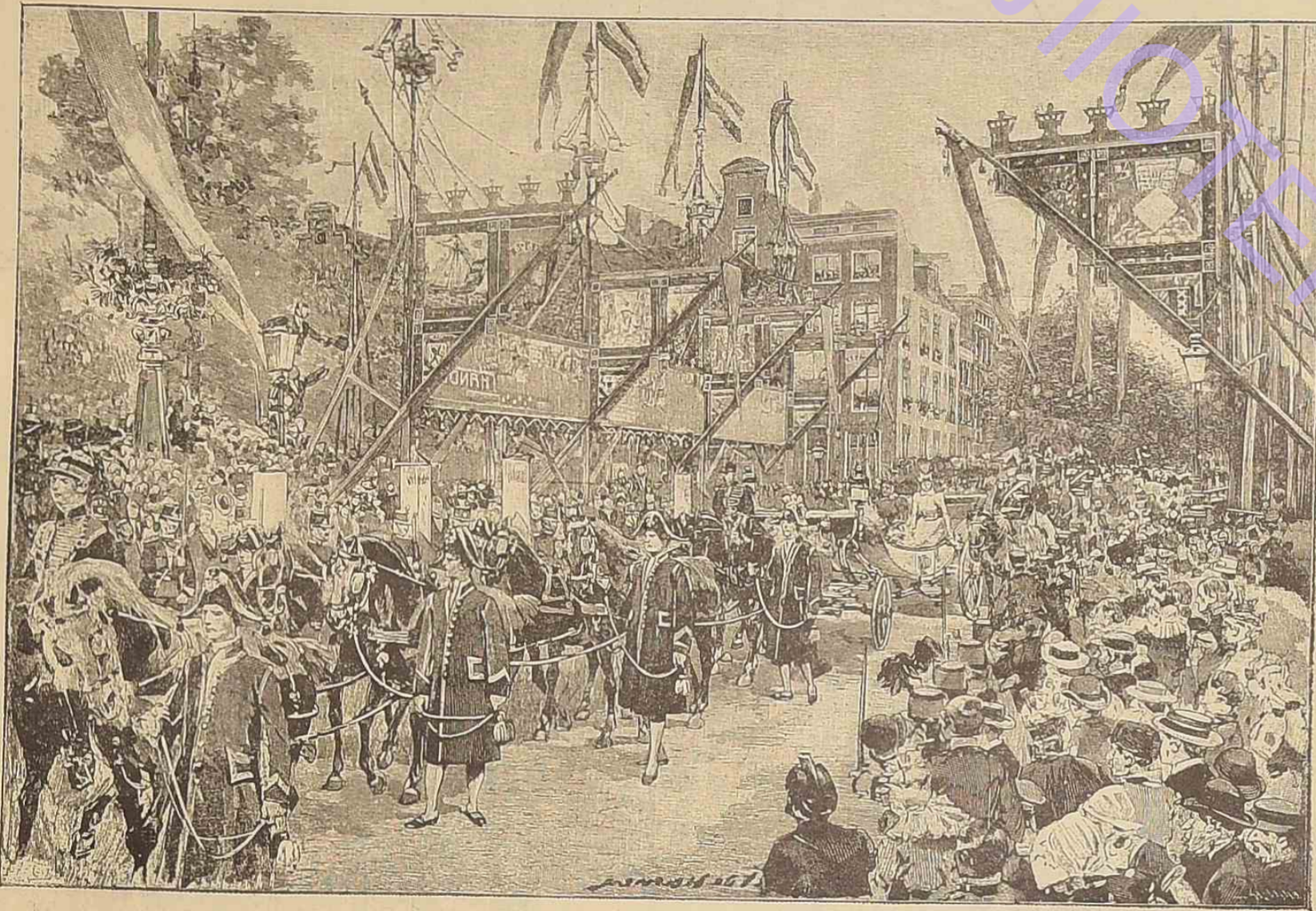
Эта смѣлая идея объ искусственомъ созданіи людей выражена еще въ древнемъ мифѣ о Прометѣй, събившемъ человека изъ земли и похитившемъ съ неба огонь, чтобы вдохнуть въ него жизнь. Затѣмъ въ средневѣковыхъ хроникахъ

мощи указаній учителя гоминкуловъ.

И дѣйствительно, со времени Парацельса все чаще и чаще встрѣчаются указанія на производство гоминкуловъ.

Больше всего извѣстны гоминкулы австрійскаго графа Киффштейна. О немъ говорятъ, какъ и объ его знаменитомъ соперникѣ, полякѣ Твардовскомъ, что онъ продалъ душу дьяволу. Въ сопровожденіи своего фактотума, Жозефа Каммерера, онъ объѣхалъ Европу, посѣщая всюду ученыхъ алхимиковъ и некромагтовъ. Въ Италіи графъ познакомился съ извѣстнымъ тогда окулистомъ, аббатомъ Джелони, который открылъ ему якобы средство производить гоминкуловъ. Описаніе ихъ совместныхъ опытовъ оставить далеко за собою по своей фантастичности рассказы Эдгара Поэ и Гофмана.

Много гадали о природѣ гоминкуловъ Кифштейна, но самое вѣроятное предположеніе,

Коронаваніе королевы голландской Вильгельмины. — Въѣздъ въ Амстердамъ.

Я не могъ долго устоять на мѣстѣ, бросилъ сигару и вернулся къ обществу, чтобы разыскать ее. Но ея нигдѣ не было. Наконецъ, въ полутемномъ зимнемъ саду, я увидалъ ее, — она живописно полулежала въ креслѣ подъ тѣнью широколиственной латаніи. Она была не одна. Къ ея лѣвую доврѣнну прильнулъ Поль Х., извѣстный ловецъ. Его лицо фавна касалось ея уха, и онъ тихо шепталъ ей въ ушко, убѣдительные слова.

А она? — на смѣлась...

мы находимъ множество разсказовъ о гоминкулахъ. Такъ, Амагусъ Лузитанусъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ въ стеклышъ человѣчка, длиною съ палецъ, сфабрикованнаго Юліемъ Камилломъ, и что папа Бенедиктъ IX держалъ при себѣ семь благодѣтельныхъ духовъ. Особенно широкое распространеніе получила эта идея со времени знаменитаго Парацельса.

Безпокойный умъ и гениальный новаторъ, реформировавшій медицину 16-го вѣка и введшій въ употребленіе опиумъ, ртуть и сурьму, зотъ человѣкъ съ страстью отдавался мысли о гоминкулахъ, которые должны были питаться однимъ воздухомъ и только въ немъ черпать элементы для своего существованія. Эту мысль онъ передалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, ревностно искавшимъ средства произвести при по-

кажется, то, что это были созданія искуснаго механика. По крайней мѣрѣ, разочарованное въ возможности создать гоминкуловъ человечество неоднократно пыталось изобрѣсти «живыя куклы». Эти попытки начались еще въ Архитоса, греческаго механика 5-го ст. до Р. X., создававшего летающаго голубя, и продолжаются понынѣ въ видѣ живыхъ куколъ, которые показываются на ярмаркахъ. Интересная попытка въ этомъ родѣ — знаменитая мѣдная муха неаполитанскаго епископа Виргилія, которая была поставлена у неаполитанскихъ воротъ и цѣлую недѣлю не выпускала въ городъ другихъ мухъ, предохраняя такимъ образомъ мясо отъ порчи.

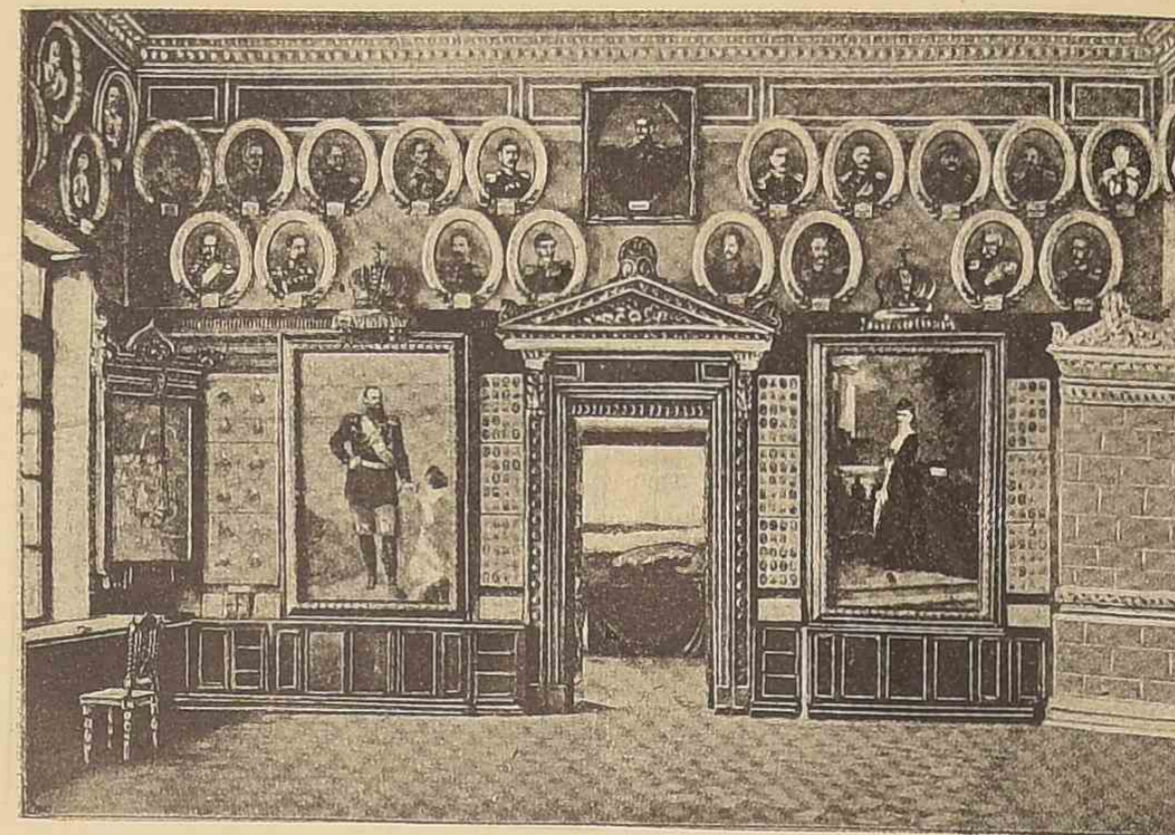
Но самый замѣчательный изъ всѣхъ автоматовъ былъ, безъ сомнѣнія, игрокъ въ шахматы барона Вольфганга Кемпелена. Это былъ чело-

Прибавимъ еще, что автоматъ истрезъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, кроѣ нѣсколькихъ кусковъ желѣза, пропавшихъ одному парижскому торговцу.

Разныя разности.

Примѣры необыкновенной памяти. Митридатъ Понтийскій зналъ поименно каждаго изъ своихъ 80 тысячъ воиновъ. Цезарь и Киръ также знали наперечѣтъ свои войска. Философъ Сенека могъ повторить по порядку 2000 прочтенныхъ ему словъ. Уго Гроцій, создатель науки международнаго права, присутствовавшій однажды на перекладѣ въ нѣсколькихъ поляхъ, запомнилъ всѣ имена по порядку. Философъ Лейбницъ до глубокой старости помнилъ всего Виргилія панзустъ. Знаменитый англійскій государственнынъ человекъ Джеймсъ Фоксъ, умершій въ 1806 году, настолько твердо зналъ назвустя библіи, что въ случаѣ потери ее можно было возстановить съ его словъ. Трагикъ Расинъ зналъ всего Еврипида. Особенно колоссальною памятью обладалъ въ 16 вѣкѣ во Франціи графъ Сенъ-Жерменъ; онъ могъ повторить въ разбѣжку названія ему 1000 чиселъ. Въ 1574 г. онъ продолжалъ при дворѣ Генриха III Фокусъ, записанный на скиринжати исторіи; онъ ставовалъ сто иръ картъ, затѣмъ ему назвали всѣ карты по порядку, записали ихъ, снова расположили карты по мѣстамъ и очкамъ, и Сенъ-Жерменъ безошибочно возстановилъ ихъ въ порядкѣ перетасовки.

Коллекціонеры. Настоящее знатокъ, собирающіе дѣйствительно цѣнные вещи, отличаются очень рѣдкими; за то необыкновенно много людей, обладающихъ маіей собирать какіе нибудь предметы, не заботясь ни объ ихъ цѣности, ни объ ихъ значеніи съ точки зрѣнія исторіи или искусства. Одни коллекціонируютъ старія афиши и оборотничныя бумаги, надѣясь найти между ними какую нибудь рѣдкость, другіе — старія и новыя визитныя карточки, третьи — вырѣзываютъ все, что касается военного искусства, собирая такимъ образомъ цѣлыя арміи бумажныхъ солдатиковъ; нѣкоторые интересуются всевозможными мужскія и дамскія шляпы, пуговицы, различныя мундирныя и лифвы и т. п. До чего распространена маія къ коллекціямъ, всего лучше характеризуетъ слѣдующій фактъ: во Франціи на дняхъ выпущено звонкой монеты новаго образца на сумму 435,000 франковъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ ихъ появленія не было никакой возможности достать ни одной изъ этихъ монетъ. Всѣ онъ очутились въ рукахъ коллекціонеровъ.

Севастополь. — Внутренній видъ военнаго музея.

вѣкъ въ натуральную величину, одѣтый въ восточный костюмъ и сидѣвшій на стулѣ, поставленномъ на чѣмъ-то вроде ящика на колесахъ. Его специалностью была игра въ шахматы съ современными знаменитостями. Онъ обыкновенно передвигалъ пѣшки лѣвой рукой, которую держалъ протянутой изъ подушкѣ. Когда его хотѣли обмануть, онъ преспокойно ставилъ фигуру на прежнее мѣсто. Онъ почти всегда выигрывалъ, и если партнеръ его плохо игралъ и дѣлалъ неимовѣрные ходы, то онъ смѣшивалъ фигуры, отказываясь, такимъ образомъ, продолжать партію.

Въ 1809 г. онъ игралъ въ Шенбруннѣ въ шахматы съ Наполеономъ I. Императоръ уѣхалъ противъ автомата, а придворные окружили ихъ, ожидая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ исхода странной борьбы. Наполеонъ сдѣлалъ нѣсколько неправильныхъ ходовъ, а автоматъ ограничился тѣмъ, что ставилъ фигуры обратно на ихъ мѣсто; наконецъ, раздосадованный промахами императора, онъ смѣшалъ и опрокинулъ всѣ фигуры.

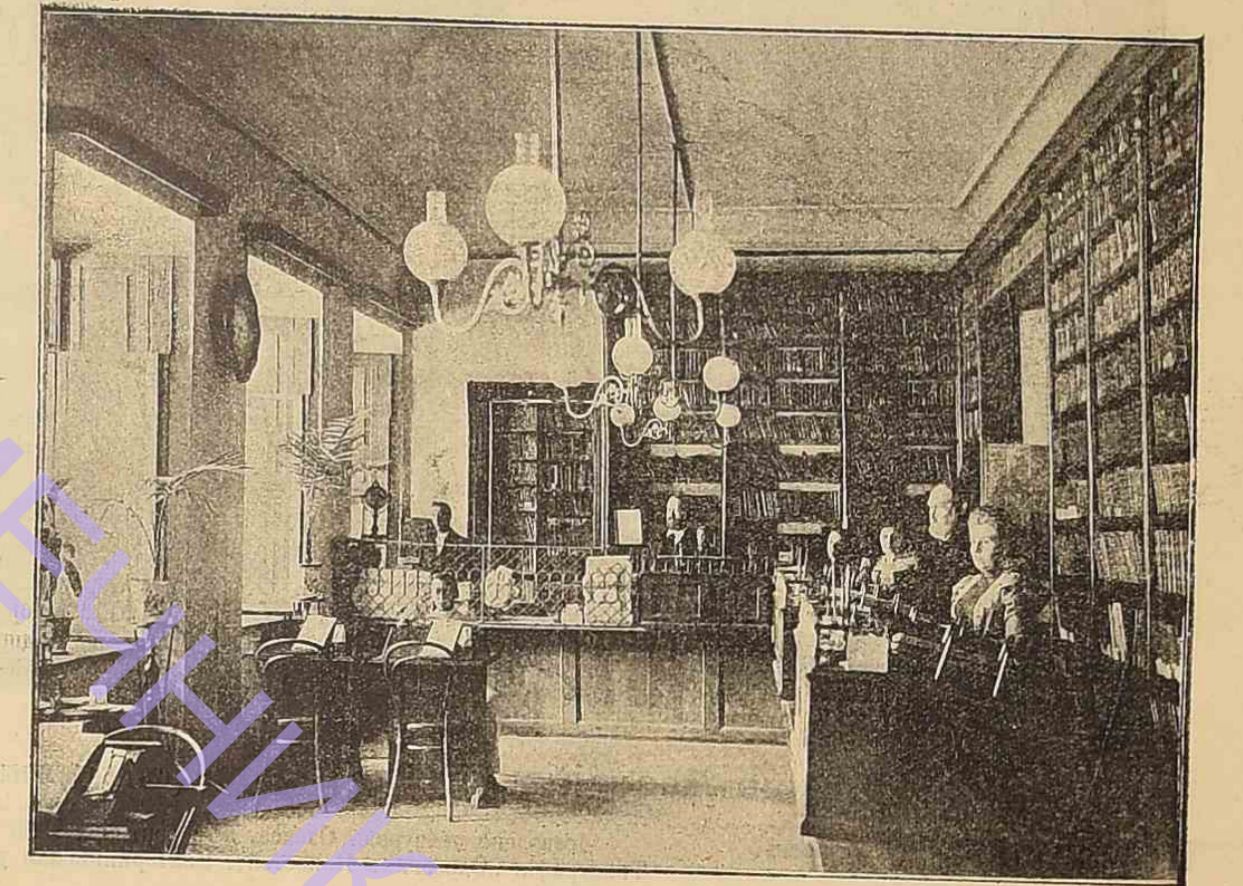
Императоръ подиался, улыбался, и такимъ образомъ окончилъ знаменитую партію.

Странное приключеніе случилось съ автоматомъ въ самомъ началѣ прибытія его въ Россію. Императрица Екатерина II, прослышавъ о немъ, попросила барона Кемпелена представить его ей въ Петербургѣ. Поколебавшись нѣкоторое время, баронъ пріѣхалъ съ своимъ автоматомъ, который выигралъ у императрицы три партіи подрядъ. Екатерина не хотѣла ни что-бы то ни стало купить его. Баронъ клялся, что ницто, кроѣмъ него, не сумѣетъ обращаться съ автоматомъ, но императрица стояла на своемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что баронъ спасся изъ Петербурга бѣгствомъ.

Современники терпѣлись въ догадкахъ относительно устройства этого автомата. Одни подозрѣвали тутъ магію, другіе электричество; наконецъ, Декрешъ въ своей книгѣ «Раскрытан магія» высказалъ предположеніе, что въ автоматѣ былъ спрятанъ человѣкъ. Предположеніе это оказалось совершенно вѣрнымъ. Вотъ разлюженіе этой загадочной исторіи.

Въ 1776 г. произошло возмущеніе въ од-

номъ изъ ливонскихъ полковъ. Среди другихъ мятежниковъ, въ стѣлкѣ, происшедшей между полкомъ и регулярными войсками, высланными на усмиреніе его, палъ капитанъ Вронскій, полякъ. Другія успѣли однако перенести его въ домъ врача Ярова, который ампутировалъ ему раненныя ноги и скрылъ его до поры, до времени у себя. Къ Орлову пріѣхалъ съ визитомъ его ученый другъ баронъ Кемпеленъ, хорошо извѣстный въ Германіи своими работами и эксцентричностью. Докторъ разсказалъ ему исторію своего гостя, и баронъ, пораженный искусствомъ, съ какими онъ игралъ въ шахматы, придумалъ устроить автоматъ и посадить въ немъ Вронскаго. Онъ самъ сталъ импрессаріо своимъ автомата и объѣзжалъ съ нимъ всю Европу.

Одесса. — Библиотека А. Борнелеваго (по поводу 30-лѣтія со дня открытія библиотеки, 6 септібра).

Въ 1857 г., невѣстой австрійскаго императора.

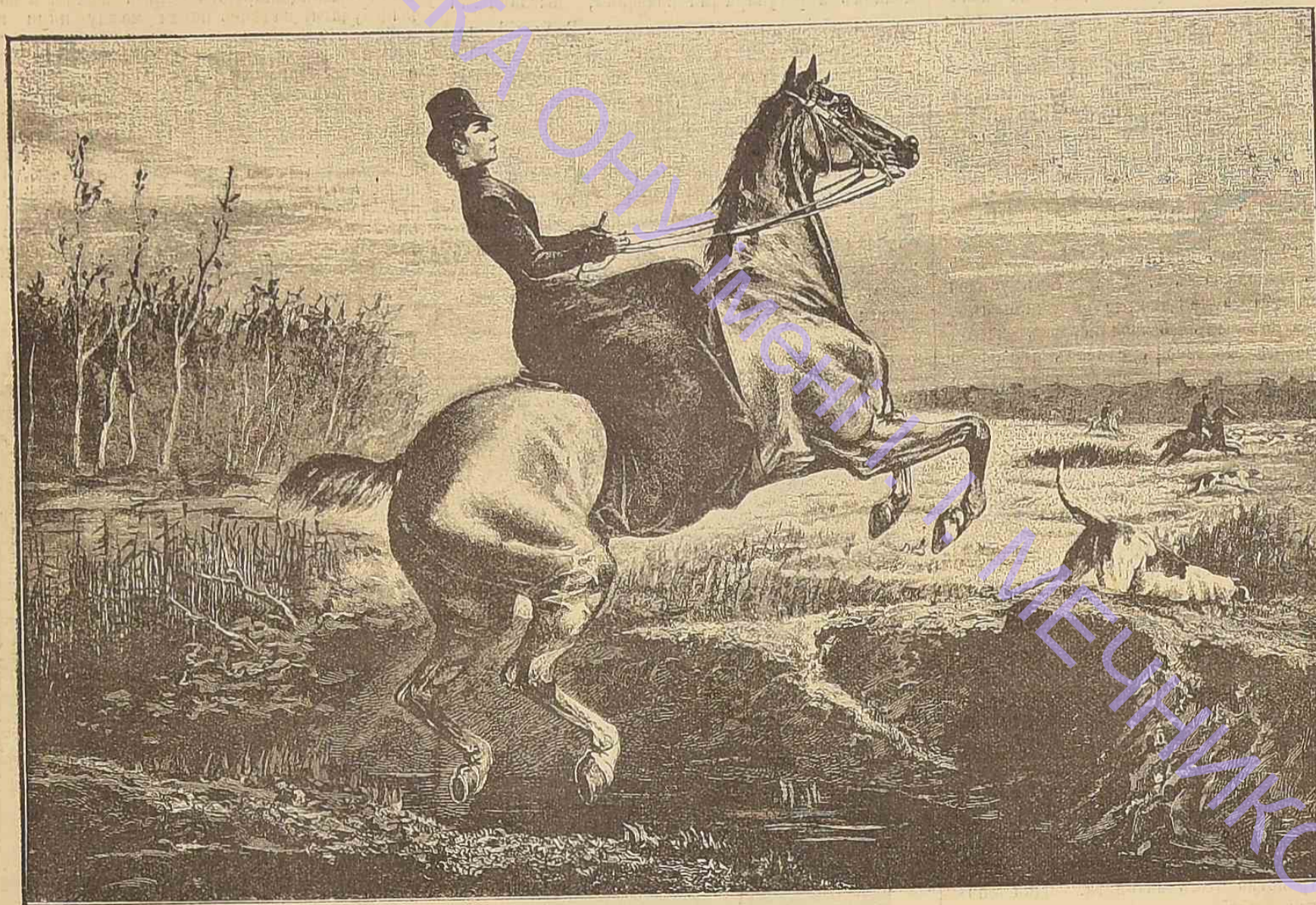

Императрица Елизавета въ 1897 г.

Въ 1858 г., въ первый годъ замужества.

Императрица Австрійская Елизавета, убитая 29 августа 1898 г.

Императрица Австрійская Елизавета (съ картины, писанной въ 1885 г.).

Редакторъ издатель А. П. Старковъ.

Дозволено пензурою. Одесса, 5-го сентября 1898 г.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

Редакторъ Е. В. Васковскій.